

МАСТЕРА
ИСКУССТВ

Заслуженный артист

По полянам и перелескам, словно осыпанным золотистой солнечной пылью, расхаживает статный парень — колхозный бригадир Максим Орлов. Много забот у этого человека, еще не успевшего сменить зеленую военную гимнастерку на гражданский костюм: и посевная подошла — надо поспевать, и с любимой девушкой отношения так усложнились, что не сразу разберешься. Но, слушая живую речь молодого бригадира, который не прочь погорячиться, однако умеет и обуздать себя, веришь, что этот своего добьется.

В такой роли рязанцы увидели на сцене нашего областного драматического театра артиста Николая Аркадиевича Закиева, когда он по окончании Великой Отечественной войны, после длительной работы в одном из театров, обслуживавших воинов Советской Армии, вернулся в Рязань. Тогда и сам он, как и его герой Максим из «Свадьбы с приданым», еще не успел расстаться с фронтовой гимнастеркой.

Образы советских людей, героев гражданской и Великой Отечественной войн, энтузиастов социалистического строительства, простых и скромных тружеников наших дней характерны для Закиева. Он воплощает их на сцене с той жизненной убедительностью и непосредственностью, какой отличается настоящее, вдохновенное искусство. Большевик-подпольщик Колесников, сражающийся с фашистскими захватчиками в тылу у врага («Нашествие» Л. Леонова), молодой ученый Брешко из пьесы Н. Погодина «Когда ломаются копы», инженер-коммунист Хлебников, одерживающий с помощью партии победу над карьеристами и перестраховщиками в «Персональном деле» А. Штейна, — все это волевые люди, беззаветно преданные делу коммунизма.

Раскрывая перед зрителем духовный мир своих героев, Закиев всегда наделяет образы индивидуальными черточками человеческих характеров и типичными штрихами эпохи.

В «Любови Яровой», поставленной несколько лет тому назад Рязанским облдрамтеатром, ему довелось играть роль комиссара Кошкина. Грустным, размашистым в движениях, неторопливо подбирающим слова, но твердым в своих решениях предстал в этой роли Закиев. Раскатыстый смех Романа Кошкина сменялся его грозными возгласами, когда бывало не до шуток.

Однажды неожиданно заболел артист, исполнявший в той же пьесе роль Чира. Надо было искать выход из положения, чтобы не сорвать объявленный спектакль. Исполнители роли Кошкина в театре было двое, ее мог в этот день сыграть другой актер, освободив Закиева. И взоры режиссера обратились к Николаю Аркадиевичу:

— Выручай!

Нелегкая эта задача и для опытного актера — без обстоятельной подготовки, даже зная текст роли, выйти на сцену. Риск не всегда бывает удачным. Но Закиев рискнул.

И вот перед зрителем появился сгорбленный, царкающий старикашка с напомаженными клочками волос на полусевшем черепе. Он благоговейно бормочет псалмы и в то же время шныряет по сторонам хищными глазами, сверкающими из-под лохматых бровей. Своей игрой актер

тонко, искусно обличал ханжу, предателя в облике святоши.

Каким же резким контрастом прозвучала эта его роль по сравнению с образом комиссара Кошкина! Здесь сказалось то искусство сценического перевоплощения, которым владеет Н. А. Закиев.

Впрочем, и до этого он не раз показывал самые разнохарактерные типы, отличающиеся друг от друга не только социальной сущностью, но и жанровым многообразием.

Что общего, например, между честным демократом Вальтером Киддом из «Голоса Америки» Б. Лавренева, пронзительным, наглым агентом буржуазной разведки Райтом в одной из пьес Л. Шейнина и забитым черкесом Ибрагимом-оглы из пьесы Л. Шейнина «Угрюм-реки», до которого с трудом доходит вероломство купца, загнавшего его на каторгу за свои собственные преступления?

Н. Закиев в роли Салихова («Веселый гость»).

Н. А. Закиев прежде всего ищет интересный рисунок образа. К примеру, роль того же Ибрагима он так же умело расцвелит восточным акцентом, как роль анархиста Фильки из «Интервенции» Л. Славина — жаргоном одесских биндюжников. Но делает он это настолько тактично, что не отвлекает внимания от внутреннего состояния персонажа. Язык героя для Закиева не экзотика, а средство подчеркнуть характер, найти своеобразный колорит роли.

И уж если речь зашла о Фильке, то нельзя сравнить с ним образ другого анархиста, воплощенный тем же актером в «Оптимистической трагедии». Одно и то же социальное явление в разных обстоятельствах Закиев показывает с разных сторон. Его Филька, разгуливающий по приморским бульварам, прикрывает духовную нищету щегольским костюмом, кривой скептической усмешкой и ворчливыми изречениями доморощенной философии. А головорез из трагедии Вс. Вишневского, самодовольно скалящий зубы и беспрестанно стреляющий в воздух, словно ищет выхода для своей страсти громить и сокрушать все вокруг. Но оба одинаково и смешны, и жутки.

Довольно часто зрители видят этого артиста в комедийных ролях явно водевильного жанра, но и здесь его герои отличаются жизненно достоверными характерами. Не таковы ли директор дома отдыха Душкин «В сиреневом саду» и разбитной снаб-

женец из комедии «Любовь, директор и квартира»?

В кругу творческих работ Н. А. Закиева есть художественный образ, который занимает особое место в его сценической биографии. Это — Пушкин в одноименной пьесе А. Глобы. И если во многих других ролях актер показывал какую-нибудь одну из граней своего мастерства, то здесь заискрились все они сразу. Тут и лирические картины, когда артист заполняет паузы молчаливой, но впечатляющей игрой, выражая лишь глазами да жестами переживания человеческой души... И насыщенные поистине трагедийной силой сцены столкновения поэта с великосветской чернью... И мягкий юмор, пылкий, неумный восторг, когда раздается «веселия глас» и Пушкин встречается с друзьями... Артист словно проникается вдохновением гениального поэта, набрасывающего на бумаге и читающего строчки своих бессмертных стихов, в которых блещет «его свободный, светлый дар».

А на днях Н. А. Закиев показал еще один многогранный образ — героя классической комедии Бомарше — Фигаро.

Недавно в журнале «Театр» была помещена фотография группы артистов Калужского театра, заснятых вместе с нашим знатным земляком К. Э. Илюковским, который жил тогда в Калуге. В одном из юношей с пытливым взглядом, окружающих великого ученого, мы узнаем Н. А. Закиева. В то время бывший крымский колхозник Николай Закиев только что начал свою театральную жизнь. В его памяти были еще свежи статные горы Тавриды, прорывающие облака своими вершинами, бескрайний простор Черного моря, золотой песок Евпатории, колхозные виноградники и огороды, где трудился Николай Аркадиевич. Но в его жизнь все более властно входили и новые впечатления: такие же моря и горы, целые города и села, спускавшиеся с колосников театра прямо на сцену, репетиции и спектакли, первые творческие успехи и неудачи.

Стоя за кулисами московского

Н. Закиев в роли Хлебникова («Персональное дело»).

Малого театра, где Закиеву также довелось работать вначале своего творческого пути, молодой актер с затаенным дыханием следил за игрой корифеев русского искусства, ловил каждое слово, запомнил каждый жест. Особенно впечатляла его игра известного артиста Степана Кузнецова, умевшего до неузнаваемости перевоплощаться в самые разнохарактерные образы: вчера, скажем, он изображал обрюзгшего старика, а сегодня — бравого матроса, только что играл Хлестакова, а завтра будет городничим.

— Вот бы научиться такому мастерству, — думал Николай. — Ну, хотя бы немного, хоть чуточку владеть таким искусством.

С тех пор прошло свыше четверти века, заполненной упорным трудом, постоянной учебой.

И кто знает, быть может, сейчас, когда на сцене выступает заслуженный артист РСФСР Николай Аркадиевич Закиев, где-нибудь в зрительном зале или за кулисами сидит такой же паренек и думает:

— Вот бы научиться такому мастерству...

А почему бы и нет? В нашей Советской стране талантам открыта широкая дорога к росту и совершенствованию.

Г. КНЯЗЕВ.
Рисунки автора.